

ВЕРХОВНЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 5-КГ21-25-К2

О П Р Е Д Е Л Е Н И Е

г. Москва

21 июня 2021 г.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в составе

председательствующего Пчелинцевой Л.М.,
судей Вавилычевой Т.Ю. и Фролкиной С.В.

рассмотрела в открытом судебном заседании 21 июня 2021 г. кассационную жалобу представителя Ермолаевой Ольги Рудольфовны по доверенности Бородиной Нины Викторовны на решение Люблинского районного суда г. Москвы от 18 февраля 2020 г., апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 30 июня 2020 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2020 г.

по делу № 2-303/2020 Люблинского районного суда г. Москвы по заявлению Ермолаевой Ольги Рудольфовны об установлении факта, имеющего юридическое значение.

Заслушав доклад судьи Верховного Суда Российской Федерации Пчелинцевой Л.М., объяснения представителя Ермолаевой О.Р. по доверенности Бородиной Н.В., поддержавшей доводы кассационной жалобы, возражения на кассационную жалобу представителя Государственного учреждения – Главного управления Пенсионного фонда Российской Федерации № 3 по г. Москве и Московской области Ноздри А.И., мнение представителей Государственного учреждения – Московского регионального отделения Фонда социального страхования Российской Федерации Маслаковой О.Ю. и Киселевой Н.С. об обоснованности доводов кассационной жалобы,

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

установила:

Ермолаева Ольга Рудольфовна 27 марта 2019 г. обратилась в суд с заявлением об установлении факта нахождения её в период с 24 июня 2017 г. по 25 июня 2018 г. на иждивении супруга Самолыго Сергея Анатольевича, умершего 25 июня 2018 г.

В обоснование заявления Ермолаева О.Р. ссылалась на то, что она состояла в зарегистрированном браке с Самолыго С.А., до момента смерти Самолыго С.А. супруги проживали совместно.

С июня 2017 г. Ермолаевой О.Р. установлена инвалидность II группы (инвалид по зрению), в связи с чем она является нетрудоспособной, получает страховую пенсию по инвалидности, размер которой является незначительным.

Ермолаева О.Р. указывала, что в силу невозможности осуществления трудовой деятельности по состоянию здоровья она не могла полностью себя содержать, находилась на иждивении супруга. Оказываемая Самолыго С.А. помощь носила для неё постоянный характер и была основным источником средств к существованию. Самолыго С.А. брал на себя всю заботу по уходу и содержанию Ермолаевой О.Р., названные обстоятельства могут подтвердить свидетели.

После смерти мужа Ермолаева О.Р. не имеет возможности обеспечивать себя всем необходимым для жизни. Ввиду плохого состояния здоровья (инвалидности по зрению) Ермолаева О.Р. нуждается в постоянном приобретении лекарственных препаратов, ей требуется особый уход, размера получаемой ею пенсии недостаточно для оплаты жилья, приобретения продуктов питания, средств первой необходимости.

Установление факта нахождения на иждивении супруга Самолыго С.А. необходимо Ермолаевой О.Р. для назначения и выплаты ей страховой пенсии по случаю потери кормильца в соответствии с нормами Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». Спор о праве на такую пенсию отсутствует, однако в Государственном учреждении – Московском региональном отделении Фонда социального страхования Российской Федерации Ермолаевой О.Р. сообщили о том, что для назначения и выплаты ей страховой пенсии по случаю потери кормильца необходимо представить решение суда об установлении факта нахождения на иждивении умершего супруга.

Протокольным определением Люблинского районного суда г. Москвы от 2 июля 2019 г. к участию в деле в качестве третьего лица привлечено Государственное учреждение – Главное управление Пенсионного фонда Российской Федерации № 3 по г. Москве и Московской области.

Решением Люблинского районного суда г. Москвы от 18 февраля 2020 г. в удовлетворении заявления Ермолаевой О.Р. об установлении факта, имеющего юридическое значение, отказано.

Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 30 июня 2020 г. решение суда первой инстанции оставлено без изменения.

Определением судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2020 г. судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций оставлены без изменения.

В поданной в Верховный Суд Российской Федерации кассационной жалобе представителем Ермолаевой О.Р. по доверенности Бородиной Н.В. ставится вопрос о передаче жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации для отмены состоявшихся по делу судебных постановлений, как незаконных.

По результатам изучения доводов кассационной жалобы судьёй Верховного Суда Российской Федерации Пчелинцевой Л.М. 24 февраля 2021 г. дело истребовано в Верховный Суд Российской Федерации, и её же определением от 12 мая 2021 г. кассационная жалоба с делом передана для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации находит жалобу подлежащей удовлетворению, поскольку имеются основания для отмены в кассационном порядке обжалуемых судебных постановлений.

Основаниями для отмены или изменения судебной коллегией Верховного Суда Российской Федерации судебных постановлений в кассационном порядке являются существенные нарушения норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов (статья 390¹⁴ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации приходит к выводу о том, что в настоящем деле такого характера существенные нарушения норм материального и процессуального права были допущены судебными инстанциями, и они выразились в следующем.

Судом установлено и из материалов дела следует, что Ермолаева О.Р., [REDACTED] года рождения, состояла в зарегистрированном браке с Самолыго С.А., [REDACTED] года рождения.

Ермолаевой О.Р. с июня 2017 г. установлена инвалидность II группы (инвалид по зрению), с 1 июля 2019 г. – бессрочно, что подтверждено справками федерального казённого учреждения «Главное бюро медико-социальной экспертизы по г. Москве» Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации.

С 21 июня 2017 г. Ермолаева О.Р. получает страховую пенсию по инвалидности, фиксированную выплату к страховой пенсии по инвалидности с учётом повышений этой выплаты, с 6 июля 2017 г. – ежемесячную денежную выплату инвалидам, с сентября 2017 г. – региональную социальную доплату до величины городского социального стандарта для неработающих граждан, зарегистрированных по месту жительства в г. Москве более 10 лет, что в общей сумме ежемесячно составляло в среднем 20 000 руб.

Согласно справкам о доходах и суммах налога физического лица (2-НДФЛ) доход Самолыго С.А. с июня 2017 г. до 25 июня 2018 г. составлял в среднем 57 475 руб. ежемесячно.

25 июня 2018 г. Самолыго С.А. умер.

В процессе рассмотрения дела в судебных заседаниях суда первой инстанции 2 июля и 28 ноября 2019 г. по ходатайству представителя Ермолаевой О.Р. были допрошены свидетели (соседи, друзья и знакомые Самолыго С.А. и Ермолаевой О.Р.), пояснившие, что после установления в июне 2017 г. Ермолаевой О.Р. инвалидности (ослепла) она находилась на иждивении супруга Самолыго С.А., получала от него постоянный уход и обеспечивалась всем необходимым для жизни.

Отказывая в удовлетворении заявления Ермолаевой О.Р. об установлении факта нахождения её на иждивении супруга Самолыго С.А., суд первой инстанции пришёл к выводу о том, что Ермолаева О.Р. имела и имеет самостоятельный достаточный и постоянный доход, превышающий величину прожиточного минимума пенсионера в г. Москве, составлявший в 2017 году 11 561 руб., а в 2018 году – 11 816 руб. Сам по себе факт превышения дохода Самолыго С.А. над доходом Ермолаевой О.Р. не является достаточным основанием для установления факта нахождения Ермолаевой О.Р. на иждивении её супруга Самолыго С.А.

Суд первой инстанции исходил из того, что Ермолаевой О.Р. не представлено доказательств получения от супруга Самолыго С.А. постоянной помощи, составляющей основную часть средств, затрачиваемых ею на проживание, а также доказательств расходования денежных средств, получаемых супругом Самолыго С.А. при жизни, на содержание Ермолаевой О.Р., при этом у Самолыго С.А. оставались бы средства на содержание самого себя.

По мнению суда первой инстанции, показания допрошенных в судебных заседаниях свидетелей юридического значения не имеют, поскольку они не смогли дать информацию о точном и конкретном размере доходов Ермолаевой О.Р. и её супруга Самолыго С.А., а также об объёме оказываемой Самолыго С.А. помощи Ермолаевой О.Р.

Суд апелляционной инстанции согласился с выводами суда первой инстанции, дополнительно отметив, что Ермолаевой О.Р. не представлено бесспорных доказательств, свидетельствующих о том, что она находилась на иждивении своего супруга.

Судебная коллегия по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции, оставляя без изменения судебные постановления судов первой и апелляционной инстанций, не установила нарушения либо неправильного применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального права или норм процессуального права.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации считает, что выводы судов первой, апелляционной и кассационной инстанций сделаны с нарушением норм материального и процессуального права.

Согласно части 1 статьи 264 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций.

Суд рассматривает дела об установлении факта нахождения на иждивении (пункт 2 части 2 статьи 264 ГПК РФ).

Суд устанавливает факты, имеющие юридическое значение, только при невозможности получения заявителем в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, или при невозможности восстановления утраченных документов (статья 265 ГПК РФ).

В соответствии со статьёй 267 ГПК РФ в заявлении об установлении факта, имеющего юридическое значение, должно быть указано, для какой цели заявителю необходимо установить данный факт, а также должны быть приведены доказательства, подтверждающие невозможность получения заявителем надлежащих документов или невозможность восстановления утраченных документов.

Из содержания приведённых положений процессуального закона следует, что одним из обязательных условий для установления факта, имеющего юридическое значение, является указание заявителем цели, для которой необходимо установить этот факт в судебном порядке, а именно зависит ли от установления данного факта возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав заявителя, заявителем также должны быть приведены доказательства, подтверждающие невозможность получения надлежащих документов, удостоверяющих этот факт, или невозможность восстановления утраченных документов.

Обращаясь в суд с заявлением об установлении факта нахождения в период с 24 июня 2017 г. по 25 июня 2018 г. на иждивении супруга Самолыго С.А., умершего 25 июня 2018 г., Ермолаева О.Р. ссылаясь на то, что установление данного факта необходимо для назначения ей пенсии по случаю потери кормильца, выплачиваемой членам семьи умершего кормильца на основании Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях».

В соответствии с частью 1 статьи 10 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» (далее также – Федеральный закон «О страховых пенсиях») право на страховую пенсию по случаю потери кормильца имеют нетрудоспособные члены семьи умершего

кормильца, состоявшие на его иждивении (за исключением лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, повлекшее за собой смерть кормильца и установленное в судебном порядке).

В части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» определён круг лиц, которые признаются нетрудоспособными членами семьи умершего кормильца, в их числе родители и супруг умершего кормильца, если они достигли возраста 60 и 55 лет (соответственно мужчины и женщины) либо являются инвалидами (пункт 3 части 2 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях»; норма приводится в редакции, действовавшей на момент смерти Самолыго С.А. – 25 июня 2018 г.).

Члены семьи умершего кормильца признаются состоявшими на его иждивении, если они находились на его полном содержании или получали от него помощь, которая была для них постоянным и основным источником средств к существованию (часть 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях»).

Частью 6 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» предусмотрено, что нетрудоспособные члены семьи умершего кормильца, для которых его помощь была постоянным и основным источником средств к существованию, но которые сами получали какую-либо пенсию, имеют право перейти на страховую пенсию по случаю потери кормильца.

По смыслу изложенных норм Федерального закона «О страховых пенсиях», понятие «иждивение» предполагает как полное содержание члена семьи умершим кормильцем, так и получение от него помощи, являющейся для этого лица постоянным и основным, но не единственным источником средств к существованию, то есть не исключает наличие у члена семьи умершего кормильца какого-либо собственного дохода (получение пенсии и других выплат). Факт нахождения на иждивении либо получения существенной помощи от умершего кормильца членом его семьи может быть установлен в том числе в судебном порядке путём определения соотношения между объёмом помощи, оказываемой умершим кормильцем, и его собственными доходами, и такая помощь может быть признана постоянным и основным источником средств к существованию нетрудоспособного члена семьи умершего кормильца.

Такое толкование понятия «иждивение» согласуется с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в определении от 30 сентября 2010 г. № 1260-О-О.

Кроме того, как следует из постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2020 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки И.К. Дашковой», помощь, оказываемая члену семьи, являющемуся инвалидом, его кормильцем может выражаться не только непосредственно в денежной форме, но и в осуществлении необходимого этому члену семьи (инвалиду) постоянного ухода за ним, сопряженного со значительными материальными затратами в целях поддержания жизнеобеспечения данного лица и удовлетворения его

специфических нужд и потребностей, не покрываемых за счёт доходов самого инвалида и фактически возлагаемых на его кормильца.

Приведённые нормативные положения Федерального закона «О страховых пенсиях» об основаниях признания члена семьи находившимся на иждивении умершего кормильца судебными инстанциями применены неправильно, без учёта правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации.

Отказывая в удовлетворении заявления Ермолаевой О.Р. об установлении факта нахождения её в период с 24 июня 2017 г. по 25 июня 2018 г. на иждивении супруга Самолыго С.А., суды первой и апелляционной инстанций, ошибочно истолковав понятие «иждивение», в нарушение норм Федерального закона «О страховых пенсиях» исходили лишь из того, что Ермолаева О.Р. в названный период имела самостоятельный достаточный и постоянный доход, превышающий величину прожиточного минимума пенсионера в г. Москве, а превышение дохода Самолыго С.А. над доходом Ермолаевой О.Р., по мнению судебных инстанций, не является достаточным основанием для установления факта нахождения Ермолаевой О.Р. на иждивении её супруга Самолыго С.А.

Между тем Ермолаева О.Р. в заявлении об установлении факта нахождения на иждивении супруга Самолыго С.А., пояснениях к этому заявлению ссылаясь на то, что после того, как она в 2017 году получила инвалидность II группы по зрению (ослепла) и стала нетрудоспособной, её супруг Самолыго С.А. вёл домашнее хозяйство и осуществлял за ней уход, оплату продуктов питания, коммунальных платежей, покупку лекарственных средств и средств первой необходимости, то есть оказывал супруге Ермолаевой О.Р. помощь, являющуюся постоянным и основным источником средств к её существованию, поскольку её пенсии по инвалидности и других выплат было недостаточно для обеспечения жизненных потребностей.

В результате неправильного применения норм права, регулирующих спорные отношения, суды первой и апелляционной инстанций в нарушение положений 56, 67, 196 ГПК РФ не дали надлежащей правовой оценки названным доводам Ермолаевой О.Р. о том, что осуществление постоянного ухода за потерявшей зрение Ермолаевой О.Р. было сопряжено для Самолыго С.А. со значительными материальными затратами в целях удовлетворения её жизненных нужд и потребностей, которые не покрывались за счёт доходов самой Ермолаевой О.Р.

Кроме того, делая вывод о том, что Ермолаева О.Р. не представила доказательств, подтверждающих факт нахождения её на иждивении супруга Самолыго С.А., судебные инстанции не учли положения семейного законодательства, которыми урегулированы в том числе имущественные отношения между супругами.

Семейное законодательство исходит из необходимости укрепления семьи, построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьёй всех её членов, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи,

обеспечения беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (абзац второй пункта 1 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации).

В соответствии с пунктом 3 статьи 31 Семейного кодекса Российской Федерации супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимопомощи.

Статьёй 34 Семейного кодекса Российской Федерации предусмотрено, что к совместной собственности супругов (общему имуществу супругов) относятся, в частности, доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие).

Согласно пунктам 1 и 2 статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации владение, пользование и распоряжение общим имуществом супругов осуществляются по обоюдному согласию супругов. При совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов предполагается, что он действует с согласия другого супруга.

Из приведённых норм семейного законодательства следует, что доходы каждого из супругов, в том числе от трудовой деятельности, полученные ими пенсии и другие выплаты являются общим имуществом супругов и составляют общий доход семьи, распоряжение которым осуществляется по обоюдному согласию супругов.

Однако судебные инстанции, разрешая вопрос о том, являлась ли для Ермолаевой О.Р. помощь её супруга Самолыго С.А. основным источником средств к существованию, положения норм семейного законодательства об общих доходах супругов (об общем имуществе супругов) и о порядке расходования этих средств к спорным отношениям не применили, вследствие чего пришли к ошибочному выводу о том, что Ермолаевой О.Р. не представлено доказательств того, оставались ли денежные средства у её супруга Самолыго С.А. на содержание самого себя после расходования денежных средств, получаемых им при жизни, на её содержание. Этот вывод судов первой и апелляционной инстанций прямо противоречит основным началам семейного законодательства и установленному законом режиму совместной собственности.

Сравнивая размеры доходов Самолыго С.А. и Ермолаевой О.Р., судебные инстанции вследствие неправильного применения норм материального права не учли, что Самолыго С.А. и Ермолаева О.Р. состояли в браке, проживали одной семьёй, имели общие доходы, соответственно, расходы каждого из супругов не ограничивались только личными нуждами каждого из них, в связи с этим нельзя признать правомерным суждение судебных инстанций о том, что поскольку Ермолаева О.Р. имела самостоятельный доход в виде пенсии и других выплат, превышающий прожиточный минимум пенсионера в г. Москве, то не имеется оснований к

установлению факта её нахождения на иждивении умершего супруга Самолыго С.А. в период с 24 июня 2017 г. по 25 июня 2018 г.

Исходя из приведённого правового регулирования судебным инстанциям для разрешения вопроса о том, находилась ли Ермолаева О.Р. в указанный период на иждивении Самолыго С.А., надлежало выяснить размер общих доходов супругов (общий доход семьи) и с учётом этого размера установить, на сколько уменьшился ежемесячный доход Ермолаевой О.Р. после смерти супруга и как это повлияло на качество её жизни; могла ли Ермолаева О.Р., будучи неработающим лицом, инвалидом II группы по зрению, при жизни супруга без его помощи обеспечивать себя всем необходимым (приобретение лекарственных средств, обеспечение специфического ухода, требуемого инвалиду по зрению, покупка одежды, продуктов питания, предметов первой необходимости, оплата коммунальных платежей, ведение домашнего хозяйства и т.п.).

Эти обстоятельства, имеющие значение для дела, судебными инстанциями не устанавливались. Судами не принято во внимание, что сам по себе факт наличия у Ермолаевой О.Р. собственного дохода – получение пенсии и других выплат – не означает, что помощь со стороны супруга Самолыго С.А. не являлась для Ермолаевой О.Р. основным источником средств к существованию.

Довод суда апелляционной инстанции о том, что Ермолаевой О.Р. не представлено бесспорных доказательств, подтверждающих факт её нахождения на иждивении умершего супруга Самолыго С.А., несостоятелен. Суд апелляционной инстанции круг подлежащих доказательств не определил и в нарушение статьи 57 ГПК РФ не предложил Ермолаевой О.Р. представить такие доказательства в подтверждение заявленных ею требований, чем нарушил право Ермолаевой О.Р. (инвалида II группы по зрению) на справедливую, компетентную, полную и эффективную судебную защиту, закреплённое в статье 8 Всеобщей декларации прав человека, пункте 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, пункте 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также в части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации.

Суд кассационной инстанции, проверяя по кассационной жалобе Ермолаевой О.Р. и представителя Ермолаевой О.Р. – Бородиной Н.В. законность судебных постановлений судов первой и апелляционной инстанций, допущенные ими нарушения норм материального и процессуального права не выявил и не устранил, тем самым не выполнил требования статьи 379^б и частей 1–3 статьи 379⁷ ГПК РФ.

При таких обстоятельствах решение Люблинского районного суда г. Москвы от 18 февраля 2020 г., апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 30 июня 2020 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2020 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации признаёт незаконными. Они приняты с существенными

нарушениями норм материального и процессуального права, повлиявшими на исход дела, без их устранения невозможна защита нарушенных прав и законных интересов Ермолаевой О.Р., что согласно статье 390¹⁴ ГПК РФ является основанием для отмены обжалуемых судебных постановлений и направления дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При новом рассмотрении дела суду первой инстанции следует учесть все приведённое выше и разрешить заявление Ермолаевой О.Р. в соответствии с подлежащими применению к спорным отношениям сторон нормами материального права, установленными по делу обстоятельствами и с соблюдением требований процессуального закона.

Руководствуясь статьями 390¹⁴ – 390¹⁶ ГПК РФ, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации

определила:

решение Люблинского районного суда г. Москвы от 18 февраля 2020 г., апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 30 июня 2020 г. и определение судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 ноября 2020 г. по делу № 2-303/2020 Люблинского районного суда г. Москвы по заявлению Ермолаевой О.Р. об установлении факта, имеющего юридическое значение, отменить.

Дело направить на новое рассмотрение в суд первой инстанции – Люблинский районный суд г. Москвы.

Председательствующий

Судьи

